

Ева Тулуз (Eva Toulouze)

Эстония, г. Тарту,

Тартуский университет

НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИЕЙ ЗАКАМСКИХ УДМУРТОВ

Аннотация. В статье рассмотрена современная языковая ситуация закамских удмуртов. Автор анализирует опыт собственных полевых экспедиций в Республику Башкортостан к закамским удмуртам, поднимает проблему витальности удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, закамские удмурты, диалекты удмуртского языка.

Когда я в первый раз попала к закамским удмуртам в 2011 г. и начала там работать в 2013 г., мне казалось, что я попала в такую Удмуртию, о которой я давно мечтала. Место, где коммуникация, главным образом, осуществляется на удмуртском!

Первые впечатления: удмуртский язык в удмуртских деревнях Татышлинского района используется везде.

Во время первой полевой экспедиции и еще несколько лет после, пока не появились свои друзья, мы жили в д. Малая Бальзуга у деревенской женщины, Флюры Нуриевой, работницы фермы. Она осталась вдовой. Все трое ее детей уехали из деревни: одна дочь в райцентр, другая – в с. Вязовка, сын с семьей поселился недалеко от Екатеринбурга. Так что у нее был большой дом, и она жила одна, поэтому была рада нашей компании. Флюра недавно вышла на пенсию, и она плохо говорила по-русски. Справлялась на бытовом уровне, но свободно разговаривать не могла и информацию передавала лишь самую элементарную. Но на родном языке она разговаривала подолгу и с удовольствием.

Она много знает о деревне и деревенских жителях, об их истории и об удмуртских традициях.

Есть и другие случаи незнания или недостаточного знания русского языка. Представитель более молодого поколения, деревенский жрец, музыкант Фридман уехал в молодости учиться в Ижевск. Он хотел бы обучиться технической специальности, но недостаточное знание русского языка стало препятствием для получения высшего образования. Поэтому он остановился на музыке, менее требовательной к русскому языку.

Это был первый факт, который нас удивил, потому что мы никогда с этим раньше не сталкивались. Факт, что человек намного лучше и свободнее пользуется родным языком, чем русским. Захотелось понять, каким образом сложилась эта оригинальная ситуация.

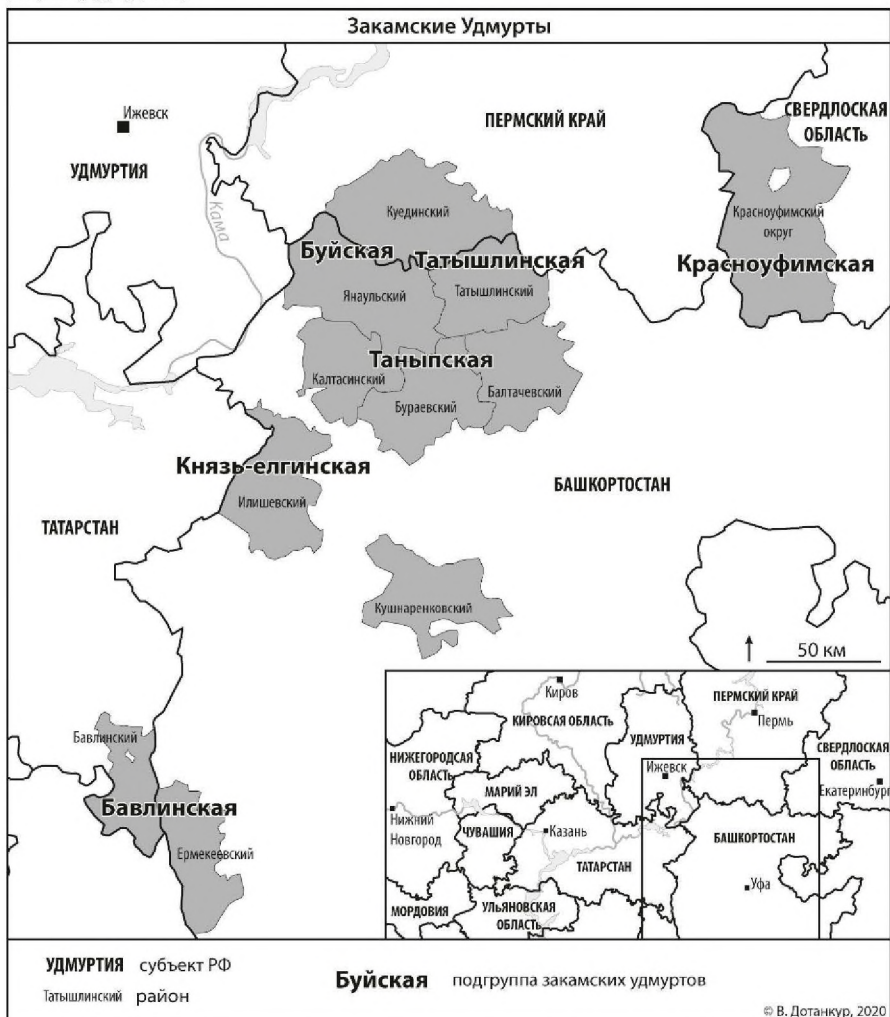
Эти замечания являются результатом длительного и регулярного наблюдения. В начале наших исследований и в 2018 г. я проводила по целому месяцу у закамских удмуртов, и с 2016 г. бывала там по несколько раз в год. Участвовала в разных обрядах, в праздниках и мероприятиях. Жила у местных жителей. Общение со мной осуществлялось, главным образом, на русском языке, но разговоры вокруг меня велись в основном на удмуртском. Часто я проводила видеосъемку разговоров, которые можно было потом расшифровать. Сегодня я уже лучше понимаю удмуртскую речь, но еще недостаточно, чтобы воспринимать ее свободно, особенно диалектную.

Но для начала необходимо представить эту этническую группу.

Закамские удмурты

Закамские удмурты – это этническая группа удмуртов, которая расселена за пределами Удмуртской Республики восточнее реки Кама. Таким образом, они живут на территории других административных образований, в Пермском крае, в Республике

Башкортостан и, дисперсно, в Республике Татарстан и Свердловской области.

О закамских удмуртах недавно были опубликованы новые работы [Toulouze, Anisimov 2020; Sadikov 2020], которые обобщают сегодняшние знания об этой этнической группе. Поэтому приведу здесь лишь ту информацию, которая важна для характеристики языковой ситуации.

Формирование группы

Удмурты в этом регионе появились в результате миграций с исконных территорий заселения после завоевания Казанского ханства московским войском и объединения его земель под власть русского государства в 1552 г. [Minniyahmetova 1995: 331–334]. Естественно, это был сложный процесс, поскольку необходимо было включить в относительно однородную единицу огромные территории с иноверным населением – частично мусульман, частично придерживающихся своих аграрных анимистических религий. О сложности этого процесса для централизованного государства свидетельствует нестабильная ситуация в приволжском регионе, сохранявшаяся до конца XVIII в. (черемисские войны, крестьянские восстания и т. д.). Чтобы интегрировать новое население, государство принимало некоторые меры, одной из них стало обращение иноверцев в господствующую религию, христианство. Имея дело с недогматическими инородцами, было легче получить результаты в этом направлении, чем при взаимодействии с мусульманским населением. И это быстро стало понятно. Попытки христианизации, хотя и спорадические по началу, вкупе с последствиями военного давления, привели к миграциям частей населения в более благоприятные регионы. Вряд ли угроза привычному образу жизни и мировоззрению предков была единственной причиной миграций. Но это та причина, которую население помнит и на которой акцентирует [Sadikov 2020: 129; Toulouze, Anisimov 2020: 91]; об этом же у марийцев [см. Jamurzina 2013: 115–118].

Когда пути передвижения были установлены, массовые миграции продолжались до конца XVIII в. После этого времени фиксировались только единичные случаи переселений в Закамье. Так что в настоящее время группа состоит из потомков тех давних мигрантов.

Окружение

Закамские удмурты живут в совсем других условиях, чем их соплеменники в Удмуртии, где преобладает русское население. В Пермском крае ситуация аналогичная. Однако в большинстве районов Республики Башкортостан, где расселяются удмурты, преобладает тюркское¹ население. Это значит, что культурное пространство определяют тюркские культуры [Nikitina 2011: 6; Toulouze, Anisimov 2020: 101]. Здесь русское население составляет небольшой процент (в зависимости от района, с 1,5 % в Татышлинском до 17 % в Калтасинском районе), и православие почти не представлено в конфессиональной палитре. Храм в райцентре начали строить только в последние годы, и он пока выглядит скромно. В 2013 г. молодая русская женщина из г. Уфы, работавшая в местной прокуратуре, рассказывала нам, что она чувствует себя здесь «как за границей». И эта женщина объяснила нам, что многие люди здесь говорят на плохом русском языке, и поэтому она невероятно обрадовалась, что смогла пообщаться с нашей исследовательской группой.

Меня, поскольку я не разговариваю по-удмуртски, иногда принимают за татарку, особенно пожилые удмурты, и автоматически обращаются ко мне по-татарски. У них свои ясные призна-

¹ Пишу «тюркское», потому что о национальной принадлежности этого населения идут споры (например, см. [Габдрафиков 2007, Беляев 2011, Габдрафиков 2001]), и их решение не является нашей задачей. Татары они или башкиры? Здесь я понимаю под ним тюркское население, которое говорит на промежуточном диалекте с татарскими и башкирскими чертами [Жоростелев 2011].

ки, которые явно сопоставляются с русскими характеристиками. Один из них – многоязычие. Для татарина, особенно для старшего поколения, знание нескольких языков и пользование ими в публичном пространстве – нормальное явление. Надо также иметь в виду, что Муртаза Рахимов, бывший президент Республики Башкортостан (с 2003 по 2010 г.), был чрезвычайно активен в области защиты башкирского языка и проводил политику башкиризации республики. В публичном пространстве башкирский язык присутствует довольно сильно [Hirsch 2004: 135–136; Кульбачевская 2011: 49–50; Toulouze, Vallikivi 2015].

Еще несколько слов о национальном составе республики. Здесь существует баланс между тремя преобладающими этническими группами, коррелирующий с географическими особенностями (башкиры больше живут на юге республики). Самая многочисленная группа – это русские (36 %), которые явно преобладают в столице, где их 48,9 %, башкиры составляют 29,5 % и татары – 25,4 % [Toulouze 2013]. Это сбалансированное распределение населения между тремя сильными сообществами влияет на общую атмосферу республики, где никто не может позволить себе обижать соседей по этническому признаку.

Удмуртский язык в Закамье

В этой бесконфликтной в этническом плане атмосфере удмуртский язык процветает. Следует уточнить, что народ, как и везде, говорит не на литературном языке, а на своем диалекте. Закамский диалект сильно отличается от других, даже южноудмуртских, диалектов. В нем встречаются архаизмы, не бытующие в других местах. Но главное отличие – это сильное влияние татарского языка и на фонетику, и на лексику. Закамский диалект является языком общения внутри удмуртского сообщества. Во введении я отметила, что здесь везде говорят на удмуртском языке. Приведу несколько примеров его использования в разных ситуациях, замеченных мною в 2013 г., т. е. в первый год, когда

я долгое время проживала в д. Малая Бальзуга и бывала в центре муниципального образования в с. Новые Татышлы:

– в столовой с. Новые Татышлы вся коммуникация осуществлялась на удмуртском: официантка обратилась к нам по-удмуртски, с помощью Рануса Садикова мы заказали ей блюда на этом же языке, и она, в свою очередь, отправила заказ на кухню, обратившись по-удмуртски;

– в администрации Новотатышлинского сельсовета при общении с главой и с секретаршей. По телефону глава тоже говорил по-удмуртски (хотя это, наверное, из-за того, что звонили не из районной администрации);

– в кабинете председателя СПК «Дэмен» (в народе до сих пор называемом «колхозом»), которым в то время был Рустам Ринатович Галямшин. Там находился также предыдущий председатель колхоза, его отец Ринат Биктимирович, возглавлявший Национально-культурный центр удмуртов Башкортостана. Общение между ними и разговор по телефону велись на удмуртском языке, кроме, конечно, случаев, когда они обращались к нам (из-за моего незнания удмуртского языка они вынуждены были переходить на русский язык);

– в общении с участковым. Он перешел на русский язык, только чтобы поговорить со мной. Он вместе с главой муниципального образования посетил меня в доме у Флюры, чтобы проконтролировать и выяснить, что это за иностранка с длинными волосами «как у цыганки»;

– в деревенских магазинах, на улице, в семьях [Toulouze 2013].

Как я уже упоминала во введении, нас поразило, что здесь, видимо, из-за отсутствия практики, знание русского языка оказалось слабее, чем мы ожидали, считая, что все обучались в школе на русском языке.

Этот последний пункт очень интересен. Действительно, в семьях, между соседями языком общения является удмуртский. Конечно, это легко объясняется, учитывая состав населения в деревнях. В Татышлинском районе удмурты компактно расселяются по обе стороны реки Юг. Флюру постоянно посещали соседки, родственницы, дочери с семьями. Со всеми, даже с четырьмя внуками, которые живут кто в соседней деревне, кто в райцентре, они разговаривали по-удмуртски. В первый раз за время достаточно долгого опыта полевых исследований в финно-угорских регионах центральной России и Сибири мы столкнулись с ситуацией, где неспособность работать на местном языке стала препятствием, а не преимуществом.

Как можно объяснить жизнеспособность удмуртского языка в Закамье?

Причины жизнеспособности удмуртского языка в Закамье

Однородная зона проживания

Как я писала, удмурты живут в достаточно компактной зоне. Еще важнее, что здесь пропорция удмуртов среди других жителей деревень довольно высока. Рассмотрим ситуацию в Татышлинском районе:

- д. Юда, 196 жителей, удмурты – 95 %;
- с. Старокальмиярово, 438 жителей, удмурты – 98 %;
- д. Петропавловка, 312 жителей, удмурты – 99 %;
- с. Вязовка, 613 жителей, удмурты – 87 %;
- д. Арибаш, 308 жителей, удмурты – 91 %;
- с. Нижнебалтачево, 775 жителей, удмурты – 89 %;
- д. Алга, 66 жителей, удмурты – 95 %;
- д. Бигинеево, 198 жителей, удмурты – 95 %;
- д. Верхнебалтачево, 185 жителей, удмурты – 98 %;
- д. Дубовка, 35 жителей, удмурты – 94 %;
- д. Ивановка, 144 жителя, удмурты – 98 %;
- д. Старый Кызыльяр, 211 жителей, удмурты – 97 %;
- д. Таныповка, 196 жителей, удмурты – 99 %;
- д. Утар-Эльга, 59 жителей, удмурты – 95 %;
- с. Новые Татышлы, 611 жителей, удмурты – 82 %;
- д. Майск, 96 жителей, удмурты – 97 %;
- д. Малая Бальзуга, 291 житель, удмурты – 99 %;
- с. Уразгильды, 490 жителей, удмурты – 93 %.

В деревнях лишь единицы жителей не удмурты, можно предположить, что это кто-то из супругов, неважно – муж или жена, татарского происхождения. Обычно в удмуртских деревнях даже в случае смешанных браков общим языком супругов становится удмуртский.

Это первое условие устойчивого сохранения языка: языковая среда, где у родного языка нет соперника.

Традиционное сообщество

Другая причина, также связанная с внешними, не языковыми явлениями, это деревенское, а не городское население, которое сохраняет традиционный образ жизни.

Это аграрная зона, в которой удмуртские или смешанные «колхозы» развивались экономически очень успешно. Это сформировало репутацию удмуртов как чрезвычайно работающего народа. Экономические успехи гарантировали стабильность, если не зажиточность, населения. Колхозная советская система, таким образом, поддерживала консолидацию сообщества.

Сохранение сообщества со своими обычаями и обрядами предоставило языку необходимую базу для выживания. Можно привести два примера сохранения традиционных обычаев у закамских удмуртов.

До сих пор бытует умыкание невест как обычный способ заключения брака. Все молодые, с которыми мы встречались, именно таким образом женились / вышли замуж. Только сегодня уже практически отсутствует риск, что девушку умыкнет совсем незнакомый ей парень из другой деревни, как это бывало в поколении 60-летних. Даже если будущие супруги не договариваются заранее о времени умыкания, между ними существует взаимопонимание: умыкание является просто формой, содержание же изменилось.

Другой момент, о котором упомяну лишь коротко, это сохранение, и не только сохранение, но и возрождение традиционных молений на уровне деревни и нескольких деревень. На эту тему, которой я много занималась, имеются отдельные публикации [Toulouze, Niglas 2014]. Хочу подчеркнуть, что существование и развитие этих молений поддерживает сообщество и укрепляет связи внутри него. Естественно, язык молений – удмуртский, это язык обращения к богам.

Нерусский ареал

Уже было сказано, что окружение закамских удмуртов сильно отличается от окружения других удмуртов, которые расселяются в русской среде. Исторически здесь практически не ощущалось влияния Русской православной церкви. Даже благословение на районном сабантуе здесь произносит мулла. По словам Алексея Арзамазова, в этом месте существует татаро-башкирское защищающее крыло, которое также как в XIX в. закрыло христианским миссионерам возможности приближения к удмуртам, защищает их и сегодня от влияния общепринятой русской языковой идеологии. Эта идеология не обязательно осознана или сформулирована, но она действующая. Это идеология моноязычия, когда всем необходимо перейти на язык большинства. Зачем другие языки, если все знают русский? Это объясняет, почему в России не принято в целях сохранения языков, даже имеющих государственный статус, использовать систему перевода, благодаря которой все могли бы комфортно говорить на родном языке, и все понимали бы, о чем речь. В Удмуртии еще в 1990-е годы общее пренебрежение к местному языку выражалось явственно, я сама могла регулярно наблюдать это, например, в городском транспорте. Сейчас такое отношение публично не проявляется. Но вполне законные ограничения на преподавание местных языков показывает действительную ситуацию, не слишком отличающуюся от прошлой.

Здесь, как видим, преобладают народы, языковая идеология которых приветствует многоязычие. Со стороны доминирующего местного населения не ощущается давления в языковом плане. Людям не стыдно говорить на родном языке. И это не вызывает враждебной реакции у посторонних лиц. Безусловно, это еще одни из важных факторов сохранения языка. Закамские удмурты сами это замечают и называют своих сородичей из Удмуртии *зуч удмуртьёс* ‘русские удмурты’. Даже сложились стереотипы, ко-

торые транслирует, например, Фридман, о котором шла речь раньше. Ссылаясь на собственный опыт во время учебы в Ижевске, он говорит, что если около университета студенты общаются между собой по-удмуртски, то это обязательно закамские студенты. Сегодня это уже не соответствует реальности, но в то время, примерно 20 лет тому назад, он, наверное, не был далек от действительности.

Многоязычие означает, что многие удмурты, кроме родного языка, владеют и русским, на котором они обучались в школе, и татарским [Садиков 2020: 130]. Взрослые удмурты могут общаться по-татарски с соседями и между собой, часто поют татарские песни. Я была свидетелем этого много раз в разных деревнях и разных районах: в с. Новые Татышлы Татышлинского района в 2019 г., в д. Майск Татышлинского района в 2018 г., в д. Касиарово Бураевского района в 2018 г. и т. д.

Но хотя в вышеупомянутой статье Р. Р. Садиков [2020: 130] утверждает, что большинство закамских удмуртов трехязычны, мои наблюдения этого не подтверждают. К сожалению, молодежь чаще уже не владеет татарским языком, а татарские песни поет в удмуртском переводе. Даже, по моим наблюдениям, не все из поколения сорокалетних говорят по-татарски.

Официальные моменты

Еще мне было интересно использование удмуртского языка на мероприятиях. Естественно, на мероприятиях, направленных на поддержку удмуртской культуры, единственный язык – удмуртский. Я могу привести в качестве такого примера вечер бабушек и внучек «*Шундыберган*» ‘Подсолнух’. Но и другие мероприятия, цель которых не связана с удмуртской культурой, могут содержать ее аспекты в качестве сильного компонента. Это меня поразило во время официального празднования Дня Победы 9 мая 2019 г. в деревне Новые Татышлы. Если глава муниципального образования обратился к народу на русском

языке, остальные – председатель совета ветеранов, директор школы и руководитель историко-культурного центра удмуртов – выступали с приветствиями по-удмуртски.

Перспективы

Таким образом, складывается впечатление, что с языком в Закамье все нормально и что свою идеальную Удмуртию я там и нашла. Но какие перспективы на будущее?

К сожалению, эта красивая картина начала портиться.

Как и почему?

Продолжим пример с нашей хозяйкой Флюрой. Все, что написано в начале статьи, верно. Но в 2015 г., пока мы были у нее во время очередной экспедиции, ее навесил сын, который работает и живет с семьей в Свердловской области. Жена его тоже удмуртка, родом из деревни поблизости. У них есть сын. Но с сыном родители разговаривают не по-удмуртски, а по-русски. Поэтому бабушка тоже старается говорить с ним по-русски, на своем плохом русском языке. Является ли это новой тенденцией?

Уклад жизни

Жизнь меняется. СПК «Дэмен» уже не такой успешный, каким был раньше. Правление несколько раз менялось, сейчас один инвестор старается организовать в нем работу. Зарплаты не очень высокие, а значит, они не привлекательны для молодежи. Молодежь уезжает туда, где можно заработать больше денег. Это возможно в расположенных рядом городах Пермского края Чернушке, Чайковском, или в местах довольно далеко от дома. Некоторые работают на Севере вахтовым методом.

На местах обычаи тоже меняются. Все меньше и меньше людей держат коров. Старики устали, и у них нет на это сил, молодые женщины работают, и у них нет на это времени. Также и гусей перестали держать весь год, сейчас семьи берут бычка на лето и забивают его в конце осени на мясо.

Молодёжь иногда приезжает в гости к родственникам, к родителям. Но жизнь они устраивают на новом месте, и она протекает там с использованием русского языка. Внуки говорят на русском языке. И бабушки-дедушки должны приспосабливаться к ситуации, общаясь с внуками на чужом языке [Toulouze, Anisimov 2020: 109–110].

Языковая идеология

В Удмуртии, в период явного перехода на русскоязычное общение, многие смирились с ситуацией. Но в период культурного возрождения в конце 1990-х гг., когда были популярны идеи о необходимости сознательного развития родного языка, им начали пользоваться. Проводились различные акции в поддержку родного языка. Язык обогащался, иногда, как это бывает, принимались неологизмы, иногда они отвергались. Но это часть обычного процесса. Этот процесс требует сознательности. Общение с детьми на удмуртском языке требует не только сознательности, но и сильной воли: это означает явное движение против сильного течения. Кто-то идет по течению, а другие находят опору, чтобы делать более разнообразные выборы.

В Башкирии язык сохранился не на основе сильной идеологической опоры, а в силу естественной ситуации. Так было легче, у людей был свой родной язык, никто ему не угрожал, никто говорящих на нем не обижал. Удмуртский язык мог играть собственную роль: родной язык, свой язык, даже непонятно, почему они там, в Удмуртии, более нейтральны к своему языку и не говорят на нем. Все было хорошо, пока были благоприятные условия.

Но условия изменились. Молодежь уезжает, ищет работу на «большой земле», а там нет места для других языков, кроме русского. Как и Флюрин сын, интуитивно, не рефлексировав происходящее, они приспосабливаются. Зачем их сыну удмуртский язык, он не будет жить в этой среде. Так думают его родители. Пусть с

самого начала все будет правильно. Поскольку размышления о языке никогда не были сознательными, родители не думают о духовном богатстве, о чувстве принадлежности, о преимуществах двуязычия. Скорее всего, они о таком никогда не слышали, потому что государственная, хоть и не осознаваемая, языковая идеология русская. Пусть все будет по-русски. Нельзя портить ребенка и мешать его развитию, добавляя еще один ненужный язык. Он будет лучше владеть русским языком, инструментом социального успеха, если с самого начала все вокруг него будут общаться на этом языке, тогда ничего не будет нарушать его языковую картину.

В этом есть определенная логика. Ежедневный опыт показывает сыну Флюры, что русский язык занимает большинство пространства в общественной жизни.

Но как обстоит дело в закамских деревнях, где для людей естественно выражать свои мысли на родном языке, потому что нет необходимости разговаривать иначе?

К сожалению, эта транслируемая позиция проникла и в удмуртские деревни Башкортостана. Не задумываясь, автоматически, когда рядом появляется ребенок, к нему все обращаются по-русски. В этом нет жесткой необходимости. Никто не заставляет так делать. Однако в последние годы я постоянно встречаюсь с такими случаями. Кроме некоторых бабушек, которые продолжают разговаривать с внуками «по-своему», все, особенно среднее поколение родителей, общаются с детьми по-русски. Можно заранее предвидеть, что результаты следующей переписи о владении родным языком окажутся слабыми: в десятилетний промежуток между переписями многие знающие язык умерли, их заменила молодежь, которая уже не знает родного языка.

Есть ли надежда?

Поэтому мой первоначальный оптимизм сменился грустью. Можно ли еще сделать что-то, чтобы спасти это ценное наследие, находящееся под угрозой?

Здесь нет глобальных способов решения проблемы. Русский язык и культуру никто не ничем не заменит, они глубоко укоренились в существующий образ жизни. Их позиция основательна и не изменится.

Единственный путь – это понимание утраты родного языка. Необходимо убеждать родителей в том, что лишение своих детей возможности естественным образом, с детства, говорить на двух языках важно, и это может иметь свои плоды в дальнейшем.

Как их убедить? Какие аргументы могут быть эффективными? Есть примеры в Удмуртии, когда сами дети, становясь взрослыми, упрекают родителей в том, что не говорили с ними на родном языке. О таком опыте рассказала мне, например, этнограф, покойная Галина Аркадьевна Никитина, которая признала, что они с мужем не говорили с дочерьми по-удмуртски, просто не задумываясь о последствиях. Такая была атмосфера. Взрослые дочери упрекали их за это, и она сама жалеет об упущенном. Она намеревалась иначе вести себя с внучкой, но, увы, времени ей было не дано. Можно также подчеркивать преимущества многоязычия. Я часто привожу свой собственный пример, акцентируя, что на практике я никогда не пользуюсь родными языками. Однако факт, что они у меня есть, позволяет мне общаться с удмуртами на русском языке, и, надеюсь, скоро и на удмуртском.

Распространять такие идеи – моральная задача общественных организаций и тех людей, которые имеют личный авторитет внутри своего сообщества.

Список использованной литературы и источников

Беляев Р. Ю. Перепись 2010 года в Татарстане: дискуссии и ожидаемые результаты / Р. Ю. Беляев // Экономический вестник Республики Татарстан. – Казань, 2011. – № 3. – С. 89–69.

Габдрафиков И. М. Феномен Башкортостана: от «трагической демографии» к «закономерной реконфигурации численности» / И. М. Габдрафиков // Этнографическое обозрение. – М., 2007. – № 5. – С. 116–124.

Габдрафиков И. М. Башкортостан: как готовили перепись в условиях смены власти / И. М. Габдрафиков // Этнологический мониторинг переписи населения. – М.: ИЭА РАН, 2011. – С. 179–190.

Коростелев А. Д. Нечеткости этнической самоидентификации и переписи / А. Д. Коростелев // Этнологический мониторинг переписи населения. – М.: ИЭА РАН, 2011. – С. 73–86.

Кульбачевская О. В. Общественные реакции на перепись / О. В. Кульбачевская // Этнологический мониторинг переписи населения. – М.: ИЭА РАН, 2011. – С. 44–62.

Садиков Р. Р. Удмурты Башкортостана: современные тенденции национально-культурного развития / Р. Р. Садиков // Ватандаш. – Уфа, 2020. – № 11. – С. 128–139.

Hirsch F. Towards a Soviet order of things: the 1926 census and the making of the Soviet Union / F. Hirsch // Categories and Contexts: Anthropological and Historical Studies in Critical Demography. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – P. 126–147.

Jamurzina L. L'origine des Maris orientaux / L. Jamurzina // Les Maris, un peuple finno-ougrien de Russie centrale. – Paris: L'Harmattan-ADEFO, 2013. – P. 111–126.

Minniyakhmetova T. Eating of beestings as an original calendar rite of the Bashkirian Udmurts / T. Minniyakhmetova // Folk Belief Today. – Tartu 1995.

Toulouze E. La langue oudmourte dans la diaspora orientale: étude de cas / E. Toulouze // Études finno-ougriennes [Электронный ресурс]. – № 45. – 2013. – URL: <http://journals.openedition.org/efo/1872> (дата обращения: 28.11.2020).

Toulouze E., Anisimov N. An Ethno-Cultural Portrait of a Diaspora in Central Russia: The Formation and Culture of the Eastern Udmurt /

E. Toulouze, N. Anisimov // Folklore: Electronic journal of Folklore [Электронный ресурс]. – Tartu, 2020. – URL: https://www.folklore.ee/folklore/vol79/toulouze_anisimov.pdf (дата обращения: 28.11.2020).

Toulouze E., Niglas L. Udmurt animistic ceremonies in Bashkortostan: fieldwork ethnography / E. Toulouze, L. Niglas // Journal of Ethnology and Folkloristics [Электронный ресурс]. – 8 (1). – 2014. – URL: http://www.jef.ee/index.php/journal/article/view/176/_1 (дата обращения: 28.11.2020).

Toulouze E., Vallikivi L. Les langues dans un miroir déformant / E. Toulouze, L. Vallikivi // Études finno-ougriennes [Электронный ресурс]. – № 47. – 2015. – URL : <http://journals.openedition.org/efo/4906> (дата обращения: 28.11.2020).